

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТЧЕТ

ТРЕТИЙ ГОД

363-е и 364-е заседания • 6 октября 1948 года

№ 115

ЛЕЙК СOKCEC, НЬЮ-ЙОРК

СОДЕРЖАНИЕ

Триста шестьдесят третье заседание

	Стр.
1. Предварительная повестка дня	1
2. Утверждение повестки дня	1
3. Идентичные уведомления от 29 сентября 1948 года на имя Генерального Секретаря, полученные от правительств Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и Французской Республики	1

Триста шестьдесят четвертое заседание

4. Продолжение обсуждения идентичных уведомлений от 29 сентября 1948 года на имя Генерального Секретаря, полученных от правительств Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и Французской Республики	11
---	----

Документы, относящиеся к отчетам заседаний Совета Безопасности, но не приводимые в них полностью, печатаются в ежемесячных дополнениях к *Официальным отчетам*.

Все документы Организации Объединенных Наций обозначаются условными знаками, состоящими из заглавных букв и цифр. Когда такой условный знак встречается в тексте, он означает ссылку на один из документов Организации Объединенных Наций.

притти к соглашению путем дальнейших переговоров.

В отношении вопроса использования воздушных путей между Берлином и западными оккупационными зонами, советская нота от 3 октября гласит:

«Ввиду существования двух отдельных валют в западной и восточной частях Германии, для высшего советского командования совершенно очевидна необходимость иметь гарантии того, что использование воздушного транспорта для незаконных торговых и денежных операций будет невозможно...»

Что общего между этим заявлением и предыдущими заявлениями по вопросу о воздушном транспорте?

Во время переговоров в Берлине советский военный губернатор потребовал, чтобы воздушный транспорт между Берлином и западными оккупационными зонами ограничивался удовлетворением нужд оккупационных сил. Сюда должен был бы входить целиком транспорт «коммерческих грузов и пассажиров».

Меморандум правительства СССР от 18 сентября поддерживал эту позицию, занятую советским военным губернатором.

Нота правительства СССР от 25 сентября не упоминает об ограничении воздушного транспорта до пределов, необходимых для обеспечения нужд оккупационных сил. Она не дает ответа на этот вопрос. Но в ней говорится, что советское командование должно установить «контроль над транспортом коммерческих грузов и пассажиров».

Какова же тогда позиция правительства СССР в этом вопросе? Мы констатировали, что она изменилась. Однако, директива военным губернаторам по этому вопросу совершенно ясна. Она предлагала снять ограничения, и ничего больше. Последняя советская нота не говорит о том, готовы ли Советы выполнить директиву.

Что важно в вопросе, рассматриваемом Советом Безопасности, это то, что советская блокада продолжается и, тем самым, продолжается созданная ею угроза миру.

Это и есть причина, почему вопрос был доведен до сведения Совета, как угроза миру по смыслу главы VII Устава. Ввиду обстоятельств, с которыми мы имеем дело, с нашей стороны было бы неискренностью назвать блокаду и ее настоящие и возможные в будущем последствия каким-либо другим именем.

Однако, тот факт, что о вопросе доводится до сведения Совета на основании главы VII Устава, еще не означает, что Совет лишен возможности прибегнуть к иным способам мирного урегулирования, изложенным в других статьях Устава. В этом вопросе, так же как и во всех других, рассматриваемых Советом Безопасности, Совет пользуется самой широкой свободой действий при выполнении возложенной на него основной обязанности — поддерживать мир.

Доводя об этом вопросе до сведения Совета Безопасности, мы не предлагаем какой-то заранее выработанной формулы для его разрешения. Мы надеемся, что Совет Безопасности может способствовать устранению угрозы миру. Ничего не произошло, что изменило бы нашу позицию в этом вопросе. Как только блокада будет снята, Соединенные Штаты готовы немедленно созвать совещание Совета министров иностранных дел для обсуждения с СССР всех вопросов, касающихся Германии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-испански*): Последовательного перевода на английский или на французский языки не будет дано, если только кто-либо из заинтересованных представителей не попросит о нем.

Сейчас уже 12 ч. 10 м. дня и так как представители Соединенного Королевства и Франции записаны на списке ораторов, заседание закрывается. Следующее заседание назначается на 3 часа дня.

Заседание закрывается в 12 ч. 10 м. дня.

ТРИСТА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Состоялось в среду 6 октября 1948 года в 3 часа дня в Париже в Палэ де Шайо.

Председатель: Хуан Атилио БРАМУЛЬЯ (Аргентина).

Присутствуют представители следующих стран: Аргентины, Бельгии, Канады, Китая, Колумбии, Сирии, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Украинской Советской Социалистической Республики и Франции.

4. Продолжение обсуждения идентичных уведомлений от 29 сентября 1948 г. на имя Генерального Секретаря, полученных от правительств Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и Французской Республики (S/1020 и S/1020/Add.1)

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Сегодня утром Совет Безопасности выслушал заявление представителя Соединенных Штатов о той опасной ситуации, которая существует уже некоторое время в Берлине и которая все еще не разрешена. Эта ситуация создавалась вследствие того, что правительство СССР сочло нужным ввести, по собственному почину, ограничения транспорта и сообщений между западными оккупационными зонами Германии и Берлином.

Я полностью присоединяюсь ко всему, что было сказано представителем Соединенных Штатов и, от имени моего правительства, я также заявляю, что, по моему мнению, эти действия нарушают право правительства Его Величества на оккупацию Берлина и управление им. Но это не есть главная причина, побудившая мое правительство довести о ситуации в Берлине до сведения Совета Безопасности. Главной причиной, побудившей мое правительство на этот шаг, является одностороннее проведение правительством СССР действий, противоречащих обязательствам, налагаемым на него статьей 2 Устава Организации Объединенных Наций, и создающих угрозу миру по смыслу главы VII Устава.

С самого начала я должен подчеркнуть, что вопрос, внесенный нами в Совет Безопасности, очень прост. Правительство СССР прибегло к незаконным и насильственным мерам с целью подчинить себе Берлин. Такое действие не может быть оправдано. Доводы технического характера

относительно денежного обращения и утверждения о том, что правительства Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и Франции своими действиями якобы лишили себя всех своих законных прав в Берлине, могут только запутать дело. Эти доводы вовсе не относятся к вопросу. Можно пытаться убедить членов Совета Безопасности, что под насилием и давлением блокады западные державы должны были бы согласиться на ведение переговоров относительно своих действий и прав и относительно берлинской ситуации. Но такой порядок неприемлем, так как это было бы равносильным признанию законности блокады и было бы признанием права использования ее правительством СССР в качестве способа получения более выгодных условий; правительство Его Величества протестует именно против блокады, и никакие переговоры при наличии созданного этой блокадой насилия немислимы.

Положение правительства Его Величества, как оккупирующей державы в Берлине, точно то же, что и положение любой из трех других оккупирующих держав — не лучше и не хуже. До безоговорочной сдачи Германии в 1945 году, и после сдачи, правительства Соединенного Королевства, Соединенных Штатов, Франции и СССР заключили соглашения о разделе Германии на четыре оккупационных зоны, а города Берлина на четыре сектора. Эти соглашения поставили Берлин под контроль четырех держав, осуществляемый через посредство комендатуры.

Войска Его Величества вошли в Берлин в июне 1945 года и с этого дня британские власти, вместе с властями трех других оккупирующих держав, несут полную ответственность за выполнение своей доли обязанностей по оккупации города и управлению им, а также за безопасность и благосостояние германского населения.

Выполняя эти функции, британские власти пользовались правом доступа в Берлин и выезда из Берлина по земле, по воде и по воздуху. Право доступа является неотъемлемой частью прав, которыми правительство Его Величества обладает в британском секторе Берлина и в управлении всем городом в целом. Это было и продолжает быть необходимым для полного использования правительством Его Величества прав оккупирующей державы и для надлежащего выполнения им обязанностей и функций, логически вытекающих из этих прав.

В марте 1948 года правительство СССР приняло ряд мер, результатом которых было введение уже упоминавшейся здесь блокады.

20 марта 1948 г. советский военный губернатор покинул заседание Союзного контрольного совета, который является органом, созданным соглашением четырех держав для управления всей Германией. С тех пор не состоялось ни одного заседания.

30 марта заместитель советского военного губернатора уведомил своих трех коллег о введении на следующий день ограничительных правил железнодорожного и дорожного сообщения между Берлином и западными оккупационными зонами. С 1 апреля британские и американские пассажирские поезда были приостановлены и не допускались в советскую зону, вследствие отказа подчиниться этим новым правилам СССР.

Между этой датой и 15 июня, советские власти в Германии стали все чаще чинить более и более строгие препятствия железнодорожному, дорожному и водному сообщению между западными оккупационными зонами и Берлином. Были вве-

дены деспотические правила в отношении документов, необходимых как для пассажирского, так и для товарного движения по железной дороге, по дорогам и водным путям. Большое число железнодорожных вагонов было отослано обратно под предлогом того, что они ненадежны. Закрытие моста через Эльбу очень осложнило движение по автострате между британской зоной и Берлином, и предложение британских властей помочь с исправлением этой насущно важной артерии было отклонено.

Прежде чем продолжать, позвольте мне напомнить Совету Безопасности, что в оправдание ограничения способов сообщения и связи между Берлином и Западной Германией правительство СССР постоянно выдвигало новые и противоречивые основания. Иногда, как утверждало советское правительство, ограничения вызывались так называемыми «техническими затруднениями», а иногда они являлись так называемыми «мерами самозащиты» против условий, созданных благодаря реформе денежного обращения, проведенной в Западной Германии и в западном секторе Берлина. Уже описанные мной ограничительные меры были, однако, введены властями СССР до того как три другие оккупирующие державы предприняли какие бы то ни было действия для проведения денежной реформы будь то в Западной Германии или в западном секторе Берлина.

Само правительство СССР продолжало пользоваться предлогом, что технические затруднения были причиной новых ограничений, установленных уже после проведения денежной реформы в Западной Германии. В действительности, события показали, что каждое новое ограничение было частью преднамеренного плана насильственных действий, а не результатом действительных технических затруднений. Должен добавить, что в защиту своей позиции власти СССР утверждали, что некоторые новые ограничения сделались необходимыми из-за того, что западные оккупирующие державы якобы вывозили в больших количествах техническое оборудование из Берлина в Западную Германию. Эти утверждения ни на чем не основаны.

16 июня 1948 года, на следующий день после закрытия моста через Эльбу, делегация СССР вышла из берлинской комендатуры.

Неуступчивость властей СССР в Германии помешала британским, американским и французским властям достичь соглашения относительно денежной реформы для всей Германии, хотя желательность такой реформы признавалась всеми четырьмя державами. Поэтому, 18 июня три западных оккупирующих держав объявили о введении денежной реформы в трех западных зонах и о замене денежных знаков, бывших до того в обращении, — новыми.

После этого власти СССР установили полную блокаду всех оставшихся наземных и водных путей сообщения между Берлином и Западной Германией. Относительно железнодорожного транспорта, военный губернатор СССР пытался оправдать свои действия заявлением о том, что существуют технические затруднения и что часть путей нуждается в ремонте.

Между 19 и 22 июня британский, американский и французский губернаторы делали непрерывные попытки достичь соглашения со своим советским коллегой относительно урегулирования денежного обращения в Берлине и в советской зоне. Три западных оккупирующих

державы предложили разрешить хождение денежных знаков советской зоны во всем Берлине при условии, что их выпуск и обращение будут находиться под контролем четырех держав. Однако, военный губернатор СССР отказался заключить какое-либо соглашение, кроме как на условиях, которые привели бы ко включению Берлина в экономику советской зоны и к лишению правительства Его Величества и правительств Франции и Соединенных Штатов прав оккупирующих держав в Берлине.

Власти СССР отказались поставить обращение новых берлинских денежных знаков под контроль четырех держав и объявили денежную реформу для советской зоны, в которой определено предусматривалось ее применение ко всему г. Берлину. 23 июня генерал Робертсон обратился с письмом к маршалу Соколовскому и вновь заявил то, что я сейчас цитирую из этого письма:

«Я был готов и продолжаю быть готовым изучить возможность любого разумного соглашения для введения системы единых денежных знаков в Берлине под контролем четырех держав, причем не исключена возможность, что эти денежные знаки будут теми, которые имеют хождение в вашей зоне».

Однако, генерал Робертсон отметил, что он не может согласиться на условия, создавшиеся в результате действий СССР. Для того чтобы сохранить свое положение равноправных оккупирующих держав в Берлине, британские, американские и французские власти 25 июня провели денежную реформу в западных секторах Берлина, находившуюся в связи с реформой, осуществленной за несколько дней до того в западных зонах, но не идентичную с ней. Однако, они еще раз подтвердили свою готовность обсудить вопрос о единой денежной системе в Берлине, при условии, что обращение денежных знаков будет поставлено под контроль четырех держав.

Сделанные между 23 июня и 3 июля попытки достичь соглашения о снятии блокады также не увенчались успехом. Советский военный губернатор продолжал утверждать, что «технические затруднения» препятствуют восстановлению железнодорожного сообщения и что он не может гарантировать даже, что когда существующие якобы технические затруднения будут устранены, не произойдет новых технических затруднений. Позиция, занятая советским военным губернатором на последнем заседании комендантуры 3 июля, не оставляет сомнения в том, что упомянутые им технические причины на самом деле вовсе не существовали и были выдвинуты только для того, чтобы замаскировать действительные политические цели.

Здесь я хотел бы повторить то, что было уже мною сказано в самом начале моего выступления. Совет Безопасности должен игнорировать все ложные утверждения о том, что правительство Его Величества и правительства Соединенных Штатов и Франции утратили свои права в Берлине. Каково бы ни было отношение правительства СССР к соглашениям, заключенным между четырьмя оккупирующими державами относительно Берлина, факт остается, что правительство Его Величества, в качестве союзника правительства СССР, держало свои военные силы в Берлине в течение трех лет. Через посредство своих оккупационных сил и властей правительство Его Величества выполняло определенные обязанности и обязательства не только в отношении содержания и безопасности этих военных сил и властей, но и в отношении гражданского

населения Берлина. Если правительство СССР было недовольно позицией, занятой правительством Его Величества в каком-либо вопросе, относящемся к управлению Берлином, оно должно было его обсудить с правительством Его Величества, пользуясь одним из нормальных дипломатических путей, а не прибегая к произвольным и насильственным мерам.

Самочинное введение правительством СССР ограничений на железнодорожное, дорожное и водное сообщение между Берлином и западными оккупационными зонами является вмешательством правительства СССР в область выполнения правительством Его Величества своих функций и обязанностей. Оно также является насилием и использованием средств, противоречащих требованиям Устава Организации Объединенных Наций. Поэтому, действия правительства СССР — не что иное, как использование незаконного давления на правительство Его Величества для достижения своих политических и экономических целей.

Имея дело с такой ситуацией, правительство Его Величества, в согласии с правительствами Соединенных Штатов и Франции, вручило 6 июля ноту правительству СССР. В этой ноте, которая находится в числе документов, представленных Совету Безопасности [S/1020/Add. 1], совершенно ясно излагается позиция, занятая правительством Его Величества; в ней также сообщается, что правительство Его Величества «еще раз заявляет, что угрозы, давление и другие действия не принудят его отказаться от этих прав. Оно надеется, что у советского правительства не будет по этому вопросу никаких сомнений».

Дальнейший ход переговоров между правительством Его Величества и правительством СССР изложен в представленных Совету Безопасности документах. Эти документы бесспорно устанавливают, что правительство Его Величества, взяв на себя инициативу непосредственных переговоров с правительством СССР в Москве, а затем в Берлине, а также путем обычного обмена дипломатическими нотами, твердо решило оставаться верным обязательствам, принятым им на себя согласно статье 33 Устава, которая гласит:

«1. Стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать подержанию международного мира и безопасности, должны прежде всего стараться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору».

Несмотря на все усилия правительства Его Величества разрешить спорный вопрос в соответствии с положениями этой статьи Устава, правительство СССР не отказалось от применения незаконных средств насилия и давления, каким является блокада.

Напротив, представленные документы бесспорно доказывают, что не стремление притти к разрешению спорных вопросов, а намерение достигнуть тех же политических и экономических преимуществ в Берлине, которые оно первоначально рассчитывало получить путем введения блокады, побудило советское правительство вступить в переговоры.

Требование советским военным губернатором права контроля над воздушным сообщением между западными зонами и западными секторами

Берлина, предъявленное во время переговоров в Берлине и конкретно подтвержденное в советской ноте от 25 сентября [S/1020/Add. 1], доказывает истинное отношение правительства СССР к этим переговорам.

Во-первых, это требование настаивало на ограничениях, не существовавших до тех пор. Правительство СССР стремилось ограничить воздушное сообщение до минимума, необходимого для удовлетворения нужд оккупирующей держав, хотя в прошлом согласия на такие ограничения никогда не было дано. Во-вторых, правительство СССР хорошо знало, что это требование не могло быть принято и должно было привести к провалу переговоров. Британский военный губернатор уже выразил свою готовность ввести меры контроля, необходимого для предотвращения воздушной контрабанды. Но нельзя ожидать, чтобы правительство Его Величества согласилось на предоставление военной администрации СССР всей власти над аэродромом британского сектора в Берлине и над воздушным движением между этим аэродромом и британской зоной. Это было бы равносильно его отказу от своих прав в Берлине.

Более того, еще во время ведения переговоров в Москве советские власти в Берлине систематически проводили программу, имевшую целью сорвать работу законной немецкой администрации и создать беспорядки в городе. Непрерывная пропаганда, идущая из контролируемых СССР источников, утверждала, что выборное городское управление уже будто бы не представляет населения. Не вдаваясь в подробности действий СССР, я ограничусь несколькими примерами, особенно ярко рисующими односторонний характер этих действий.

14 июля по приказу СССР был уволен начальник центральной берлинской сыскной полиции. 26 июля власти СССР издали приказ о разделении центрального берлинского продовольственного управления и создали особый отдел, который они поставили под собственный контроль. Служебные помещения были реквизированы, и от сотрудников, которые отказались работать в новом отделе, были отняты пропуска. 17 августа власти СССР издали приказ об увольнении начальника берлинской центральной угольной организации, а три дня спустя они его арестовали за то, что он остался на своем посту. С 26 августа заседания городского управления не могли происходить в здании муниципалитета, которое расположено в советском секторе, из-за массовых беспорядков, организованных коммунистами при попустительстве со стороны советских властей. Советский командующий отказался исполнить просьбу городского управления о принятии мер для предотвращения беспорядков в районе здания муниципалитета во время заседаний городского управления. Таким образом, избранным берлинским населением представителям было отказано в охране личности и защите, на которые они имели право, чтобы быть в состоянии выполнять свои обязанности. Выборное управление городом было дезорганизовано угрозой путем насилия и беспорядков. С тех пор, насколько мне известно, советский командующий обратился к городскому управлению с некоторыми предложениями относительно заседаний в будущем. Однако эти предложения, повидимому, настолько оговорены условиями, что их значение и ценность представляются весьма сомнительными, и они мало что сделали для успокоения городских властей.

На самом деле, несмотря на все отговорки, которыми советское правительство пользовалось для оправдания своих действий, как например, благовидный предлог, под которым железнодорожное сообщение было прервано по «техническим соображениям», действительной причиной этих действий было определенное намерение правительства СССР поставить правительство Его Величества, а также французское и американское правительства в невозможное положение в Берлине.

Позиция моего правительства ясна: мы находимся в Берлине по праву. Мы готовы пойти на любое чистосердечное соглашение, которое считалось бы с этим правом, но мы не можем отказаться от нашего права. В качестве оккупирующей державы и члена Организации Объединенных Наций Соединенное Королевство было всегда готово и всегда старалось искать разрешения всех вопросов в духе взаимного понимания. Не отказываясь от наших прав в Берлине, мы готовы заключить практическое соглашение для восстановления нормального положения в Берлине. Не наша вина, что такого соглашения до сих пор не было заключено. Блокада продолжается, а вместе с ней и насилие, делающее немислимыми дальнейшие переговоры.

Стремясь к осуществлению своих политических и экономических целей, правительство СССР прибегло к угрозе силой, для того чтобы помешать другим оккупирующим державам пользоваться своими законными правами и выполнять свои законные и чисто гуманитарные обязанности. Это противоречит статье 2 Устава. Кроме того, угроза применения силы правительством СССР поставила другие оккупирующие державы перед следующим выбором:

Во-первых, они могли бы покорно подчиниться попыткам правительства СССР лишить их всей их власти и прав в Берлине, что укрепило бы политический строй, который правительство СССР желает насильственно ввести в Берлине и в советской зоне Германии.

Во-вторых, они могли бы согласиться на продолжение переговоров в условиях уже упомянутого мною наличия насилия.

Как я ясно указал, для правительства Его Величества немисливо идти ни по одному из этих путей.

В-третьих, правительство Его Величества и правительства Соединенных Штатов и Франции также могли бы прибегнуть к силе, как к единственному возможному средству защиты и поддержания своих законных прав. Однако, это было бы применением тех самых методов, которыми пользуется правительство СССР и против которых мы возражаем в настоящее время.

При этих условиях все, что правительство Его Величества и правительства Соединенных Штатов и Франции могут теперь предпринять, это довести до сведения Совета Безопасности о том, что этот вопрос представляет собой явную угрозу миру, предусмотренную главой VII Устава.

Делегация СССР утверждала, что этот вопрос не входит в компетенцию Совета Безопасности. Она заявила, что существуют органы, созданные для разрешения таких вопросов, а именно Совет министров иностранных дел и Союзный контрольный совет. Это верно. Если бы после последней сессии Совета министров иностранных дел советские власти в любое время выразили желание еще раз созвать заседание Совета, то мы этому не воспротивились бы. Однако, вместо

того, чтобы сделать такое предложение, правительство СССР продолжало прибегать к насилию.

Нельзя отрицать: мы надеялись, что подобные вопросы будут разрешаться непосредственно четырьмя державами либо в Совете министров иностранных дел, либо путем непосредственного обмена мнениями каким-либо другим способом. Но применение незаконных средств давления, каким является перерыв сообщений, не позволяет Совету министров функционировать. Однако, даже если бы этот орган и функционировал и оказалось невозможным прийти к соглашению, я никогда раньше не слышал, чтобы существование этого органа лишило Совет Безопасности возможности, в качестве высшей инстанции, выполнить свой долг и попытаться найти дружественное разрешение в случае безуспешности всех остальных мер. Как я уже ясно указал, моя делегация категорически отрицает, что Совет может быть лишен этого права. И, повидимому, из одиннадцати делегаций в Совете восемь разделяют это мнение.

Документы, уже представленные Совету Безопасности, лишний раз доказывают всем известный факт, что правительство Его Величества, так же как и правительства Соединенных Штатов и Франции, в течение многих недель и даже месяцев делали все возможное для того, чтобы уладить расхождения, существующие между ними и правительством СССР. Мы выполнили решительно все, что предусматривается в статье 33 Устава, которую я уже цитировал, но мы не достигли удовлетворительных результатов. Статья 37 Устава гласит: «Если стороны в споре, имеющем характер, указанный в статье 33, не разрешат его при помощи указанных в этой статье средств, они передают его в Совет Безопасности».

Мы выполнили требования статьи 37. Правительство СССР пыталось закрыть нам путь, и когда Совет Безопасности большинством девяти голосов против двух решил взять на себя ответственность и включить вопрос в повестку дня [362-е заседание], делегация СССР к нашему большому сожалению отказалась сотрудничать.

В пункте 4 статьи 1 Устава Организации Объединенных Наций сказано, что Организация Объединенных Наций является «центром для согласования действия наций в достижении этих общих целей», т. е. целей и принципов самого Устава.

Когда мы обращаемся с нашими затруднениями в Совет Безопасности, мы должны быть проникнуты желанием прийти к соглашению. Потерпев ранее неудачу, мы должны прибегнуть к коллективной мудрости этого органа. Каждая сторона, конечно, представит наиболее убедительные доводы в защиту своей точки зрения, но при этом не следует выходить за границу обычной воздержанности. Поскольку вопрос касается моей делегации, я старался ограничиться описанием фактов, как мое правительство видит их.

Мое правительство с большим сожалением узнало, что делегация СССР не примет участия в обсуждении вопроса по существу. Можем ли мы приблизиться к разрешению затруднений, если одна из сторон отказывается принять участие в обсуждении? Разве у этой стороны нет убедительных доводов? Или она заранее решила отказаться от всего, что Совет Безопасности может рекомендовать?

Этим ли путем делегация СССР пытается достичь мира и взаимопонимания? Боюсь, что в

течение короткой еще жизни Совета Безопасности, мы слишком часто видели, как участвующие в споре стороны приходили в Совет без особого желания примирить разногласия. Они защищали свою точку зрения невоздержанными заявлениями, а иногда доходили даже до нападок на своих противников и приписывали им низменные побуждения. В наших поисках мирного разрешения споров, мы слишком часто были свидетелями отказа от сотрудничества со стороны некоторых делегаций.

Со своей стороны правительство Соединенного Королевства готово предоставить решение Совету Безопасности, и я уполномочен заявить, что оно добросовестно выполнит любую резолюцию, которую Совет Безопасности в своем мудром решении найдет наиболее правильной.

А. ПАРОДИ (Франция) (*говорит по-французски*): Французское правительство, в согласии с правительствами Соединенных Штатов и Соединенного Королевства, уведомило Совет Безопасности о создавшейся в Берлине ситуации, которая, по его мнению, представляет собой угрозу миру.

Факты, представленные на рассмотрение Совета Безопасности, уже известны как из текста самой жалобы [S/1020], так и из сопровождающих ее приложений [S/1020/Add. 1]. Кроме того, они были еще раз изложены представителем Соединенных Штатов на нашем утреннем заседании [363-е заседание] и представителем Соединенного Королевства — сегодня днем.

Поэтому, я ограничусь общим обзором фактов, поскольку это необходимо для разъяснения и уточнения позиции моего правительства.

Жалоба, поданная нами в Совет Безопасности, относится к ряду действий, предпринятых правительством СССР в его попытке постепенно изолировать секторы Берлина, находящиеся под американским, британским и французским командованием.

Я не намерен обсуждать условий, в которых совместная оккупация Берлина была решена и организована. Я напоминаю о них лишь в той мере, в какой это необходимо, чтобы дать Совету соответствующую информацию.

Когда агрессивная война, начавшаяся нападением 1939 года, закончилась поражением Германии, четыре державы, принимавшие участие в поражении Германии на ее собственной территории, естественно были вынуждены взять на себя совместно военную оккупацию. Эта совместная оккупация была организована путем раздела Германии на оккупационные зоны, а Берлина — на оккупационные секторы; раздел был произведен Консультативной комиссией для Европы.

Вначале, в соответствии с Протоколом от 14 ноября 1944 г. и ввиду того, что в то время Франция еще не была представлена в комиссии, этим разделом были установлены три оккупационные зоны Германии, а также совместная оккупация Берлина тремя державами. Так, статья 1 Протокола гласит — я цитирую текст, на который сослался представитель Соединенных Штатов сегодня утром: «Германия в ее границах, существовавших на 31 декабря 1937 г. будет разделена, в целях оккупации, на три зоны, каждая из которых будет передана одной из трех держав, и на особый берлинский район, который будет оккупирован совместно тремя державами».

После того как с ноября 1944 года Франция принимала участие в работах комиссии и ее

право на участие в совместной оккупации Германии было признано на Крымской конференции, упомянутый мной протокол был изменен 26 июля 1945 г.: были установлены границы французской зоны в Германии и был принят принцип оккупации Францией одного из секторов Берлина, причем установление границ этого сектора было предоставлено главнокомандующим в Германии.

Таким образом оккупация Берлина четырьмя державами была организована одновременно с оккупацией четырьмя державами всей Германии. Одним из логических и необходимых последствий союзной оккупации Берлина было естественное право оккупирующих держав на свободное пользование путями сообщения, необходимыми для доступа в столицу бывшего Райха. Это право представляет собой неотъемлемую часть самой оккупации, так как оно является ее необходимым условием. К тому же до начала 1948 года оно никогда не оспаривалось ни одной из оккупирующих держав.

Мало того, 7 июля 1945 г., по просьбе самих советских властей, ответственность за обеспечение продовольствием западных секторов Берлина была полностью возложена на три западные оккупирующие державы, последствием чего явилось значительное движение грузов между Западной Германией и Берлином. Это движение шло непрерывно вплоть до введения блокады. Переданное нам Советским Союзом обязательство снабжать Берлин продовольствием, в противоречие нормальному довоенному товарообмену, является лишним доказательством, если таковое еще нужно, что по мнению правительства СССР присутствие в Берлине американских, британских и французских войск налагает на три западные державы ту же ответственность, которую они несут в западных оккупационных зонах.

Соглашения, на которые я ссылаюсь, имеют официальный характер. Они служат основанием для присутствия в Берлине и во всей Германии четырех оккупирующих держав, в соответствии с соглашением о разделе Германии на оккупационные зоны и Берлина — на секторы, предоставленные каждой из этих держав.

Кроме того, эти соглашения подтверждаются более чем двухлетней практикой; таким образом, если считать, что это необходимо, правовое положение подтверждается фактическим положением.

На этих соглашениях французское правительство основывает свое законное право на участие в оккупации Берлина и в оккупации Германии в целом. Оно не может согласиться с тем, что все эти соглашения должны быть пересмотрены путем одностороннего проведения насильственных мер.

По правде говоря, во всех стадиях переговоров с правительством Советского Союза было не совсем ясно, намеревается ли последнее оспаривать принцип оккупации Берлина четырьмя державами. Как любое правительство может сделать это по любому другому вопросу, советское правительство могло бы представить возражения, которые оно считает обоснованными; оно могло это сделать при условии использования нормальной процедуры, т. е. или путем переговоров, или же, в случае неуспеха переговоров, путем принятия других мер, предусмотренных Уставом Организации Объединенных Наций, так же как мы делаем это сами теперь. Правительство Советского Союза так не поступило; оно прибегло к

ряду насильственных действий, которые возлагают на него прямую ответственность за опасное положение, создавшееся в Берлине.

Это давление стало впервые насильственно применяться в начале 1948 года, когда советские власти своими мерами начали все более затруднять проезд немецких пассажиров в Берлин и из Берлина. Вначале эти меры применялись эпизодически. Затем, когда после раздраженных слов маршала Соколовского на заседании 20 марта Контрольный совет фактически более не мог функционировать, к концу марта были постепенно введены все более строгие транспортные ограничения между Берлином и западными зонами.

30 марта 1948 г. генерал Братвин, заместитель советского главнокомандующего, распространил на все пассажирское движение, включая и военные поезда союзников, меры контроля, которым западные державы, естественно, отказались подчиниться. Все пассажирское сообщение было приостановлено за исключением «Норд экспресса», который в свою очередь был запрещен 22 апреля. Союзный оккупационный персонал должен был пользоваться автобусами или самолетами. Военные грузы также должны были перевозиться по воздуху. Магдебургский мост был закрыт 14 июня. 15 июня три пограничные поста были также закрыты. 20 июня движение союзных автомашин было прекращено в направлении с запада на восток, а с 9 июля также и с востока на запад.

Наконец, 24 июня управление немецких железных дорог советской зоны сообщило союзным властям, что в будущем поезда не смогут более пользоваться линией Гельмштедт-Магдебург, которая с 1945 года являлась единственной артерией железнодорожного транспорта.

2 июля последняя баржа, груженная продовольствием для Берлина, пришла в город. Таким образом в свою очередь прекратилось и водное движение, которое уже раньше несколько раз прерывалось под предлогом ремонта шлюзов.

Таковы вкратце самочинные действия, предпринятые советскими властями. Представитель Соединенных Штатов более подробно перечислил их сегодня утром. Эти действия полностью оправдывают выражение «блокада», которым мы уже пользовались. В действительности, блокада американского, британского и французского секторов была установлена советским командованием насильственно; мне кажется, что впервые один из союзников в войне против немцев прибег к силе против своих вчерашних соратников.

Естественно, командующие оккупационными войсками трех западных держав были вынуждены принять меры для поддержания связи с частями, оккупирующими секторы Берлина, а также для снабжения продовольствием населения секторов, находящихся на их ответственности в уже указанных мною условиях.

По инициативе генерала Клейя, 28 июня началось беспрерывное движение самолетов, которое благодаря своей эффективности и количеству перевозимых грузов получило название «воздушного моста». В настоящее время сотни самолетов, в среднем по одному каждые три минуты, ежедневно привозят в Берлин тысячи тонн груза, состоящего из продовольствия и сырья, в частности угля, необходимого для существования трех секторов города. Ввиду невозможности для двух аэродромов справляться с необходимым грузом, во французском секторе строится третий аэродром.

Применение правительством Советского Союза принудительных мер против своих союзников, и притом столь необычных мер принуждения, с полной очевидностью доказывает, что оно не отдает себе отчета в обязательствах, которые оно приняло на себя согласно Уставу.

Статья 2 Устава запрещает прибегать к угрозе силой или к применению силы для разрешения международных споров; тем более неестественно, что советское правительство прибегло к таким мерам по отношению к союзным державам, которые вместе с советскими армиями спасли мир от нацистской опасности.

Также совершенно ясно, что действия Советского Союза создали ситуацию, опасную для мира. Простое изложение происшедшего уже доказывает, что ситуация в Берлине носит именно такой характер, и мне кажется, что общественное мнение всех стран мира сознает эту опасность. Когда вооруженные силы одной державы стремятся прервать пути сообщения и коммуникационные линии вооруженных сил трех других держав и когда первая держава заставляет эти три другие державы поддерживать связь путем небывалой организации воздушного транспорта, она несомненно берет на себя ответственность за действия, которые явно представляют собой опасность.

Если каждое государство-член Организации Объединенных Наций в своих международных отношениях будет прибегать к советскому методу, то весь мир станет жертвой бесконечных международных конфликтов, и единственным правом будет право сильного. Устав Организации Объединенных Наций стремится покончить с такого рода методами и именно с этой целью налагает на всех членов Организации обязательство разрешать свои споры мирными средствами. Мы не можем допустить отказа следовать по мирному пути или утверждения о том, что государство может действовать произвольно.

Наконец, едва ли необходимо добавит, что когда существует угроза миру, опасность с каждой минутой может усугубиться.

Перед лицом такой ситуации американское, британское и французское правительства не желали ответить применением силы. В полном сознании обязанности, налагаемой на них Уставом, они с самого начала предполагали обратиться в Совет Безопасности. Но сам Устав указывал им обратиться сперва к более прямому методу — к методу переговоров и обсуждения. И они пытались это сделать. Долго и терпеливо они пытались договориться: более двух месяцев три правительства вели переговоры с правительством Советского Союза.

Первым этапом на пути переговоров было вручение ноты трех правительств от 6 июля. В ней излагался наш тезис о незаконности мер блокады, предпринятых в нарушение статьи 33 Устава, и от советского правительства требовалось не препятствовать более свободному сообщению с Берлином. Мы изъявили нашу готовность обсудить после этого все спорные вопросы.

14 июля правительство Советского Союза категорически отказалось снять блокаду. Единственное приведенное им основание не имело никакого отношения к спору, так как оно заключалось в том, что мы, якобы, потеряли право оккупировать Берлин. Таким образом эта нота совершенно не считалась с вытекающими из Устава обязательствами, согласно которым в отношениях между членами Организации Объеди-

ненных Наций не следует прибегать к применению силы.

Несмотря на этот отказ, три западных правительства, путем прямого контакта с главою правительства Советского Союза, пытались найти разрешение опасного положения, все еще считая, что эту ситуацию возможно разрешить полюбовно. Такова была цель ноты, врученной в Москве 30 июля, а также заявления, сделанного маршалу Сталину в начале первого свидания, которое представители трех государств имели с ним 3 августа. В нашем стремлении к миролюбивому разрешению вопроса, в принципиальном соглашении, которое было заключено в результате этого свидания, мы пошли на широкие уступки и согласились рассмотреть и совместно разрешить два вопроса, хотя юридически они и не связаны между собой: с одной стороны, вопрос снятия блокады, и с другой — допущение во всех секторах Берлина хождения денежных знаков советской зоны. Мы согласились рассмотреть совместно эти вопросы с единственной целью добиться соглашения, которое могло бы положить конец опасному положению.

Наш союзник воспользовался этим положением только для того, чтобы затянуть переговоры и нагромождать один довод за другим, избегая в то же время дать нам удовлетворительный ответ по главному вопросу. Бесконечные переговоры заставили наших представителей в Москве, после нескольких свиданий с г-ном Молотовым, еще раз беседовать с маршалом Сталиным 23 августа. В результате этого совещания 30 августа было достигнуто принципиальное соглашение, которое, казалось бы, предусматривало снятие блокады и давало нашим трем правительствам гарантии, позволявшие в то же время без затруднений ввести марку советской зоны в качестве единственной денежной единицы в Берлине.

По этому соглашению техническая сторона вопроса должна была обсуждаться в Берлине. Хотя казалось, что наше желание вести переговоры увенчалось успехом, наши представители в Берлине натолкнулись на такие доводы и на такую тактику, которые фактически ставили под сомнение значение соглашения от 30 августа. Под предлогом финансовых и коммерческих соображений, советский главнокомандующий требовал всей полноты власти в столице бывшего Райха; он также высказывал намерение ввести дальнейшие транспортные ограничения: контроль над воздушным транспортом.

Мы ездили в Москву для того, чтобы добиться снятия блокады и заявить там, что после этого мы будем готовы рассмотреть все вопросы, касающиеся Берлина, в духе дружеского сотрудничества. В Берлине мы снова стояли перед продолжением и усилением блокады, которая угрожала уже не только чисто физической стороне нашего пребывания там, но и самому нашему праву оккупировать Берлин и управлять городом.

Однако, мы сделали еще одну попытку. В идентичных нотах, врученных 14 сентября, мы просили правительство Советского Союза вернуться к духу соглашения от 30 августа и дать маршалу Соколовскому новые инструкции, для того чтобы возобновить переговоры в Берлине. Отрицательный ответ правительства СССР от 18 сентября сделал эти попытки тщетными. Несмотря на это 22 сентября² три правительства вновь обратились к правительству СССР. Они вновь возбуди-

² Документ S/1020/Add. 1.

ли вопрос о трех пунктах, по которым обсуждался берлинский вопрос; они еще раз изложили свою позицию и требовали снятия блокады. Ответ СССР от 25 сентября³ не позволял продолжать переговоров. В этих условиях три правительства и решили довести вопрос до сведения Совета Безопасности.

В ноте от 26 сентября³ излагались основания для этого решения. Я к ним не вернусь. Уступка в области торговли, сделанная правительством Советского Союза в его последней ноте, не разрешала существа проблемы. Блокада не только не была снята, но угроза ее усиления продолжала существовать; что же касается финансовых вопросов, то ответ также не вносил ничего нового.

Во всех переговорах наступает момент, когда приходится констатировать, что никаких дальнейших успехов не может быть достигнуто. Верная своим традициям, Франция в течение двух месяцев пыталась продолжать переговоры, несмотря на описанные мною трудности. Но переговоры не заключаются только в том, чтобы сесть вместе за один стол; каждый из участников переговоров должен проявлять одинаковую терпимость и готовность обсуждать и разрешать спорные вопросы. Таков дух Организации Объединенных Наций; но в конечном итоге переговоры в Москве и Берлине велись не в этом духе.

Так, после передачи вопроса в Совет Безопасности, новый шаг правительства Советского Союза не свидетельствует об изменении позиции, которой оно придерживалось в вопросе блокады Берлина уже шесть месяцев. В ночь с воскресенья на понедельник, когда, как я повторяю, вопрос был уже передан Совету Безопасности, правительство Советского Союза передало французскому посольству в Москве новую ноту. Беглое ознакомление с этой нотой не позволяет заключить, что она может устранить поводы к жалобе, с которой мое правительство обратилось в Совет Безопасности.

Во-первых, мне нет необходимости повторять, что вопрос, переданный нами в Совет Безопасности, относится только к берлинской блокаде. По этому вопросу последняя советская нота несколько двусмысленна. Она пытается, во-первых, оправдать меры, предпринятые властями СССР, и утверждает, что ответственность за блокаду будто бы лежит на трех западных правительствах. Я уже заметил, что в случае желанного судебного этого правовой вопрос, он должен быть рассмотрен отдельно и в другом месте и что он ни в какой мере не влияет на тот единственный вопрос, который был внесен на рассмотрение Совета Безопасности, а именно вопрос применения силы с целью позволить восторжествовать некоторым притязаниям. Советская нота не только не говорит о прекращении блокады, но она даже отрицает ее существование. Утверждение такого рода едва ли позволяет сблизить точки зрения.

С другой стороны, меры блокады, принятые властями СССР, представлены в этой новой ноте как ответ на денежную реформу в западных зонах и на введение денежных знаков западных зон в секторах Берлина.

Я уже упоминал, что первые меры блокады Берлина были приняты за много месяцев до денежной реформы, которая теперь приводится в качестве оправдания самочинных советских мероприятий.

В этой ноте СССР также утверждает, что три западных державы будто бы потребовали предоставления Финансовой комиссии полномочий для контроля над эмиссией немецкой марки советской зоны и что это требование прямо противоречит совместным директивам от 30 августа.

Это утверждение не соответствует действительности. Западные державы никогда не требовали участия в контроле над эмиссией немецкой марки советской зоны. Как это было подтверждено в ноте от 22 сентября, единственно, на чем настаивали три правительства, это чтобы «Финансовая комиссия» контролировала «деятельность германского эмиссионного банка в советской зоне, поскольку эта деятельность связана с введением и хождением марки советской зоны, как единственного денежного знака, имеющего хождение в Берлине». Эта формулировка совершенно ясна. Она показывает, что западные державы не стараются контролировать всей эмиссии советской марки, но что они имеют в виду контроль над введением и хождением ее только в пределах Берлина.

Поэтому нам кажется, по крайней мере на первый взгляд, что последняя советская нота представляет собой лишь новый документ в серии документов, представленных нами Совету Безопасности. Эта нота не может изменить позиции, которую три правительства заняли, когда они решили довести вопрос до сведения Совета Безопасности.

Эта нота была представлена в последнюю минуту; как до ее представления, так и после, французское, американское и британское правительства могли лишь констатировать, что начатые ими переговоры, которые они вели терпеливо в течение столь долгого времени и продолжали шаг за шагом, не продвинулись вперед и в конце концов зашли в тупик.

Что им оставалось делать? Три западных державы ни в коем случае не могут подчиниться силе. Как они заявили с самого начала советским властям, они не собираются вести переговоры под угрозами и давлением, каковыми являются блокада оккупированных секторов Берлина. Переговоры, которые по существу касаются условий снятия блокады, не сдвинулись с мертвой точки, и трудно теперь предвидеть какой-либо предел этому положению. Следовательно, опасная ситуация, являющаяся результатом блокады, продолжает угрожать поддержанию мира.

Поэтому мое правительство одновременно с правительствами Соединенного Королевства и Соединенных Штатов решило обратиться в Совет Безопасности. Оно преследовало этим двоякую цель.

Во-первых, оно считало, что ситуация, являющаяся угрозой всеобщему миру, должна быть передана полностью на рассмотрение высшей международной инстанции, непосредственной и основной задачей которой является поддержание мира. Оно сочло необходимым довести до сведения Совета Безопасности об этой опасной ситуации, для того чтобы вопрос был теперь же ему представлен, чтобы он мог его теперь же изучить и принять немедленные меры в случае дальнейшего ухудшения ситуации.

С другой стороны, мое правительство искренне надеется, что Совет Безопасности совладеет с этой ситуацией, примет к ее урегулированию все находящиеся в его распоряжении меры и, опираясь на свой громадный авторитет и дей-

³ Документ S/1020/Add. 1.

ствуя в качестве выразителя мирового общественного мнения, добьется успеха и сумеет положить конец недопустимой блокаде Берлина, несмотря на то, что до сих пор все непосредственные переговоры терпели неудачу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-испански*): Список ораторов исчерпан. Если никто больше не желает высказаться, я предлагаю закрыть заседание и собраться снова по вызову Председателя.

Заседание закрывается в 4 ч. 25 м. дня.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

АВСТРАЛИЯ

H. A. Goddard Pty. Ltd.
255a George Street
Sydney, N.S.W.

АРГЕНТИНА

Editorial Sudamericana S.A.
Alsina 500
Buenos Aires

БЕЛЬГИЯ

Agence et Messageries de la
Presse, S.A.
14-22 rue du Persil
Bruxelles

БОЛИВИЯ

Librería Científica y Literaria
Avenida 16 de Julio, 216
Casilla 972
La Paz

ВЕНЕСУЭЛА

Escritoría Pérez Machado
Conde a Piñango 11
Caracas

ГАИТИ

Max Bouchereau
Librairie "A la Caravelle"
Boîte postale 111-B
Port-au-Prince

ГВАТЕМАЛА

José Goubaud
Goubaud & Cia. Ltda.
Sucesor
5a Av. Sur No. 6 y 9a C. P.
Guatemala

ГРЕЦИЯ

"Eleftheroudakis"
Librairie internationale
Place de la Constitution
Athènes

ДАНИЯ

Einar Munksgaard
Nørregade 6
København

ДОМИНИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Librería Dominicana
Calle Mercedes No. 49
Apartado 656
Ciudad Trujillo

ЕГИПЕТ

Librairie "La Renaissance
d'Egypte"
9 Sh. Adly Pasha
Cairo

ИНДИЯ

Oxford Book & Stationery Co.
Scindia House
New Delhi

ИРАК

Mackenzie & Mackenzie
The Bookshop
Baghdad

ИРАН

Bongahé Piaderow
731 Shah Avenue
Teheran

ИСЛАНДИЯ

Bokaverzlun Sigfusar
Eymundsonnar
Austurstreti 18
Reykjavik

КАНАДА

The Ryerson Press
299 Queen Street West
Toronto

КИТАЙ

The Commercial Press Ltd.
211 Honan Road
Shanghai

КОЛУМБИЯ

Librería Latina Ltda.
Apartado Aéreo 4011
Bogotá

КОСТАРИКА

Trejos Hermanos
Apartado 1313
San José

КУБА

La Casa Belga
René de Smedt
O'Reilly 455
La Habana

ЛИВАН

Librairie universelle
Beyrouth

ЛЮКСЕМБУРГ

Librairie J. Schummer
Place Guillaume
Luxembourg

НИДЕРЛАНДЫ

N. V. Martinus Nijhoff
Lange Voorhout 9
s'Gravenhage

НИКАРАГУА

Ramiro Ramírez V.
Agencia de Publicaciones
Managua, D. N.

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ

Gordon & Gotch, Ltd.
Waring Taylor Street
Wellington
United Nations Association
of New Zealand
P. O. Box 1011 G.P.O.
Wellington

НОРВЕГИЯ

Johan Grundt Tanum Forlag
Kr. Augustgt. 7A
Oslo

ПЕРУ

Librería internacional
del Peru, S. A.
Casilla 1417
Lima

ПОЛЬША

Społdzielna Wydawnicza
"Czytelnik"
38 Poznańska
Warszawa

СИРИЯ

Librairie universelle
Damas

СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО

H. M. Stationery Office
P. O. Box 569
London, S.E. 1
and at H.M.S.O. Shops in
London, Belfast, Birmingham,
Bristol, Cardiff, Edinburgh
and Manchester

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

International Documents Service
Columbia University Press
2960 Broadway
New York 27, N. Y.

ТУРЦИЯ

Librairie Hachette
469 Istiklal Caddesi
Beyoglu-Istanbul

УРУГВАЙ

Oficina de Representación
de Editoriales
Av. 18 de Julio 1333 Esc. 1
Montevideo

ФИЛИППИНЫ

D. P. Pérez Co.
132 Riverside
San Juan, Rizal

ФИНЛЯНДИЯ

Akateeminen Kirjakauppa
2, Keskuskatu
Helsinki

ФРАНЦИЯ

Editions A. Pedone
13, rue Soufflot
Paris V^e

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

F. Topic
Narodni Trida 9
Praha 1

ЧИЛИ

Edmundo Pizarro
Merced 846
Santiago

ШВЕЙЦАРИЯ

Librairie Payot S. A.
Lausanne, Genève, Vevey,
Montreux, Neuchâtel,
Berne, Basel
Hans Raunhardt
Kirchgasse 17
Zurich

ШВЕЦИЯ

A.-B. C. E. Fritze's Kungl.
Hofbokhandel
Fredsgatan 2
Stockholm

ЭКВАДОР

Muñoz Hermanos y Cia.
Nueve de Octubre 703
Casilla 10-24
Guayaquil

ЭФИОПИЯ

Agence éthiopienne
de publicité
P. O. Box 8
Addis-Abeba

ЮГОСЛАВИЯ

Drzavno Preduzece
Jugoslovenska Knjiga
Moskovska ul. 36
Beograd

ЮЖНО-АФРИКАНСКИЙ СОЮЗ

Central News Agency
Commissioner & Rissik Sta.
Johannesburg; and at
Capetown and Durban